

БЕЛОРУССКО–ЛИТОВСКО–ЛАТЫШСКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (этнокультурные аспекты)

ВАДИМ ИОСИФОВИЧ ШАДЫРО

В результате археологических исследований последних двух десятилетий, проводившихся на северо-западе Беларуси автором, Дучиц Л.В., Егорейченко А.А., Зверуго Я.Г., Медведевым А.М., стало возможным дать не только общую характеристику археологических культур этого региона, но и осветить ряд вопросов, связанных с характером взаимоотношений между отдельными синхронными культурами, а также контактов их носителей. Следует заметить, что несмотря на интенсификацию полевых исследований, введение в научный оборот новых материалов, до полной ясности в этнокультурной ситуации в пограничном регионе бассейнов Западной Двины (Даугавы) и Немана (Нямунаса) еще далеко. Для освещения интересующего нас вопроса и для реконструкции исторических процессов, имевших место на данной территории во второй половине I тыс. н.э., особый интерес представляют ряд памятников (городища и селища Тарилово, Зазоны, Прудники, Ратюнки, Тясты, Барсуки и др.), которые исследовались в последнее время. Материалы раскопок этих объектов, большая часть которых еще не введена в научный оборот, уже сейчас помогают раскрыть характерные особенности региона и его роль в этнокультурных процессах как в эпоху раннего железа, так и в начальный период средневековья.

Анализ керамического материала на городище Тарилово на северном берегу оз.Укля – 20 км к юго-востоку от Браслава (раскопки Егорейченко А.А. 1992–1994 гг.) позволил исследователю распределить его на 3 культурно-археологические группы: 1 – гладкостенная – относящаяся к днепро-донецкой культуре; 2 – штрихованная и 3-я – шероховатая и облитая, относящаяся, скорее всего к концу 2-ой и 3-ей четверти I тыс. н.э. (Егорейченко, 1994, с. 22). К последней мы еще вернемся, когда будем касаться процессов более позднего характера. Как видно из графика распределения посуды по пластам (рис. 1: 1),

гладкостенная посуда доминирует во всех пластах, кроме III–V. Если учитывать, что элемент штриховки часто присутствовал и на днепро-двинской культуре, то отчетливой смены населения здесь не наблюдается. Однако учитывая наличие ребристой штрихованной посуды и, кроме того, наблюдения автора раскопок о том, что слои с преобладанием штрихованной керамики были окрашены в интенсивно черный цвет пережженной земли, то тогда немирный приход «штриховиков» становится вполне очевидным.

На соседнем городище Ратюнки, расположенном в 25 км западнее упомянутого, которые раскапывала Л.В.Дучиц в 1978–1981 гг. – (вскрыто 236 кв.м) преобладание штрихованной керамики над гладкостенной составляет свыше 65%. Распространение лепной посуды по пластам представлено на графике (рис. 1: 5). Гладкостенная лепная керамика (условно относимая к днепро-двинской культуре – В.И.Ш.) относится к двум типам: 1) баночные и 2) слабопрофилированные (Дучиц, Митрофанов, 1994, с. 169). Первый тип имеет 3 разновидности: а) сосуды с прямыми или суженными стенками (рис. 2: 4); б) в виде перевернутого усеченного конуса и в) с выгнутым краем венчика (рис. 2: 3, 5). Ко второму типу относится слабопрофилированная посуда с выгнутой верхней частью. Таким образом, максимальное расширение сосуда приходится на уровень плечика горшка (рис. 2: 1, 2). Из штрихованной посуды преобладают образцы ранних форм баночной и слабопрофилированной конфигурации (рис. 2: 6–14). Как указывают авторы, среди обломков ребристых, т.е. поздних (В.И.Ш.), очень мало развитых, законченных форм, что свидетельствует о том, что процесс формирования ребристых сосудов на городище еще не завершился, а большинство их обломков относится к числу переходных от баночных к ребристым (Дучиц, Митрофанов, 1994, с. 171). Таким образом, учитывая архаичные находки из камня и

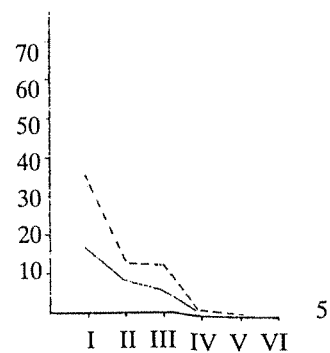
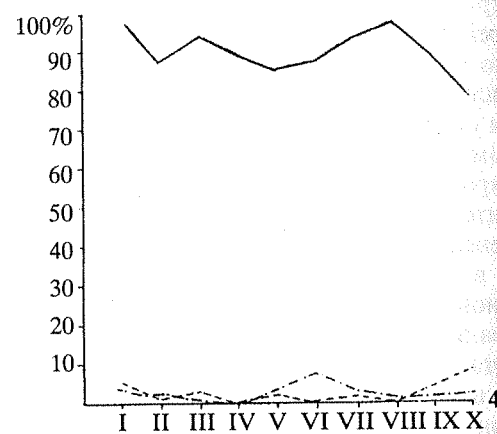
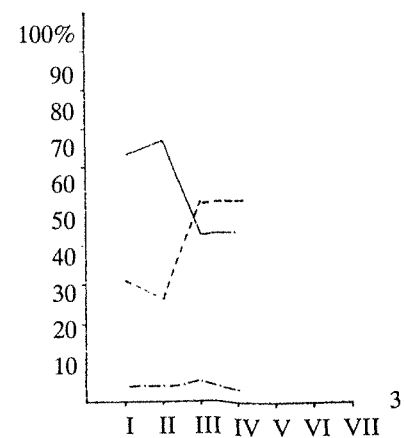
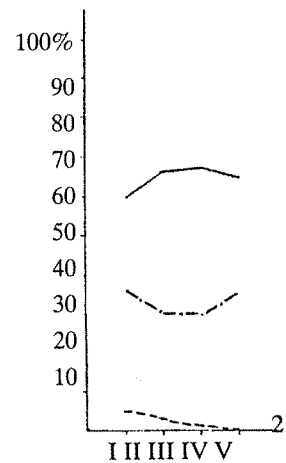
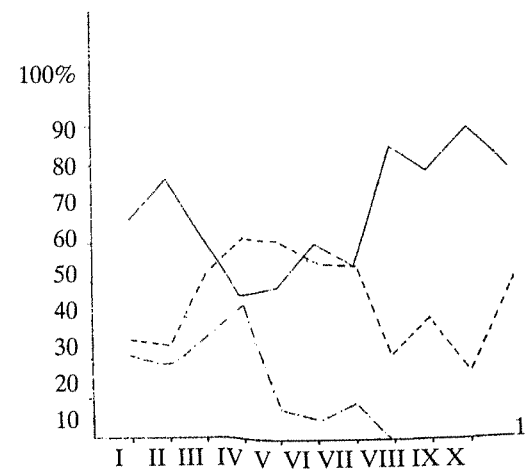

Рис. 1. Распределение разных типов керамики по пластам из поселений Браславского Поозерья: Тарилово – городище (1), селище (2); Зазоны – городище (3), селище (4); Ратюнки – городище (5). Условные обозначения: керамика гладкостенная (—), штрихованная (- - - - -), облитая, шероховатая (- · - · -).

кости Ратюнковское городище уже с первой половины II тыс. до н.э. переходит в руки «штриховиков» (Егорейченко, 1996, с. 10, 11).

Материалы из раскопок городища Зазоны, расположенного у шоссе из Браслава на Даугавпилс, по керамическому признаку дают следующую картину.

В количественном отношении преобладает штрихованная и гладкостенная керамика. Что касается облитой и штрихованной керамики, то ее доля незначительная (Егорейченко, 1997, с. 23). Процентное распределение посуды по пластам приводится на графике (рис. 1:

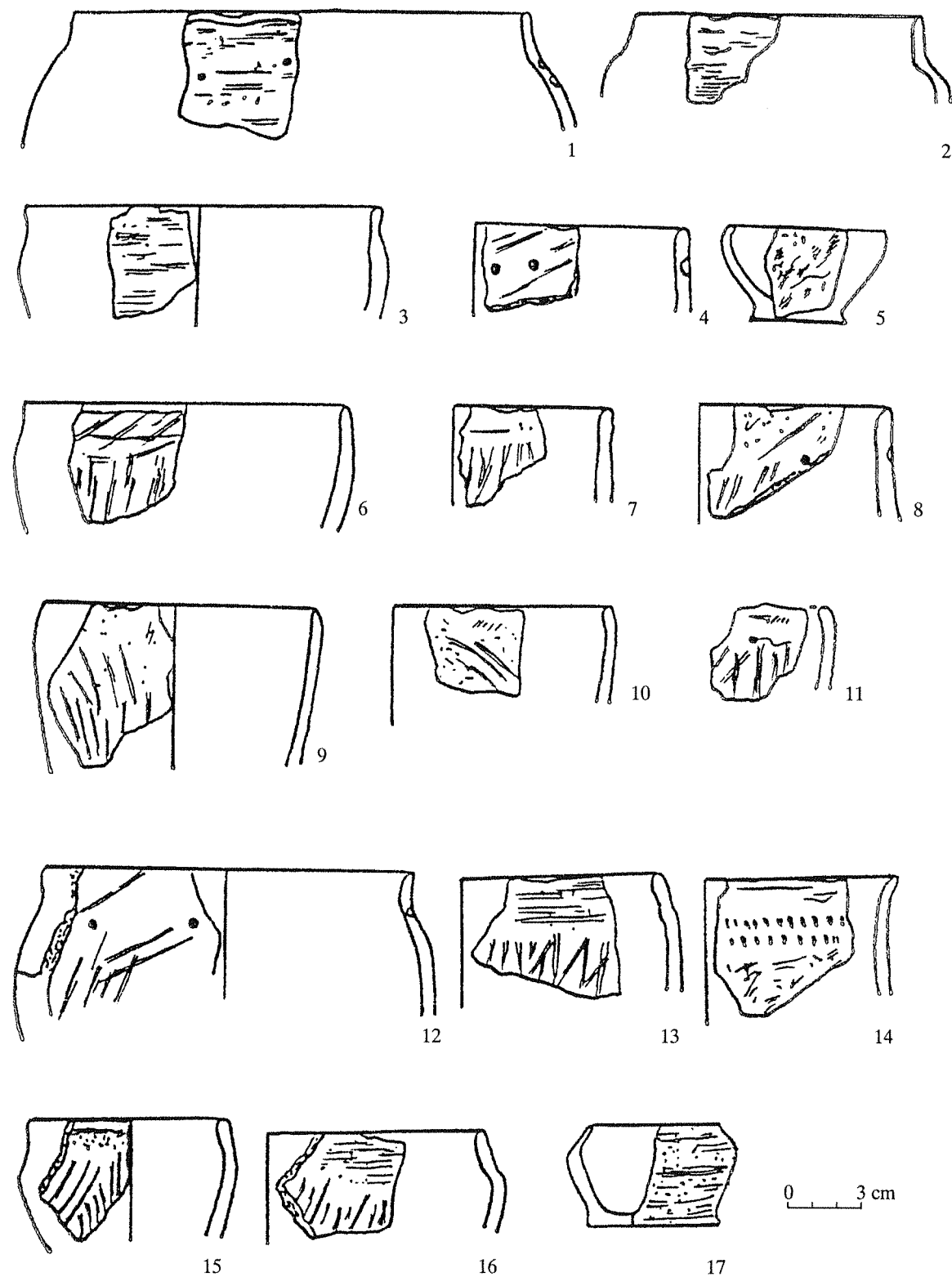

Рис. 2. Образцы гладкостенной и штрихованной керамики из городища Ратюнки, Браславского района.

3). Материалы, к сожалению, не опубликованы, но, по утверждению А.А.Егорейченко, штрихованная посуда подразделяется на 3 вида: баночные, слабопрофилированные и ребристые сосуды, со значительным преобладанием баночной формы. Слабопрофилированные горшки, орнаментированные штрихами по всей поверхности, а также косыми или прямыми вдавлениями на шейке являются типичными для раннего этапа городищ северо-востока Литвы. Преобладание на раннем этапе существования городища «штриховиков» над местным населением очевидна.

В рассмотренных 3-х случаях мы сталкиваемся с явлением очевидного давления или натиска в рассматриваемый регион Браславского Поозерья «штриховиков», причем в первом случае в более позднее время – не ранее рубежа н.э., а во втором и третьем – на более раннем этапе, когда привносится только элемент штриховки на сосуды местных форм. Эти факты свидетельствуют о продвижении населения с западного, т.е. прибалтийского ареала штриховиков и конкретно с территории, где имел место литовско-латвийский вариант штрихованной керамики (по А.Васксу), распространенный на территории северо-восточной Литвы и юго-восточной Латвии, и где помимо острореберных горшков встречаются сосуды баночных и профилированных форм (Васкс, 1991, с. 128). А также со стороны литовско-белорусского варианта (юго-восточная Литва и западная Беларусь), для которого характерна почти исключительно острореберная керамика, с орнаментацией по данным А.Г.Митрофанова на 35–45 % (Митрофанов, 1970, с. 200).

Таким образом, в рассматриваемом регионе наглядно просматривается большая активность «штриховиков», возможно, эта активность была вынужденной, связанной с оттеснением их с запада на восток. Проведенные за последние годы исследования на северо-западе Беларуси подтверждают проведенную нами ранее в предварительном плане западную границу днепродвинской культуры от Дупилович через Воропаево на Браслав и Краславу (Шадыро, 1985, с. 108). В последнем фундаментальном исследовании по железнному веку Беларуси мы отметили, что изучение материалов из городищ Зазоны, Тариллово, Ратюнки, Масковичи, Лукши (Браславский район) свидетельствуют о наличии контактной полосы по указанной линии, где выявлена как штрихованная, так и гладкостенная керамика (Археологія Беларусі. Т. 2, 1999, с. 175). В данном случае мы сталкиваемся с явлением колебания границы в зависимости от хронологического фактора, что вполне естественно для пограничных зон разных археологических культур, тем более

родственных. Наблюдения над распространением штрихованной керамики на днепродвинских городищах в контактных зонах свидетельствуют о преобладающем влиянии «штриховиков» на «днепродвинцев», причем активизация первых особо заметна с рубежа н.э.

Обращает на себя внимание и тот факт, что сравнительный анализ гладкостенной керамики раннего железного века юго-восточной Латвии, и порубежной территории Беларуси свидетельствует об ее идентичности, хотя мы чаще всего относили ее к днепродвинской культуре. Выделенный нами западный, или белорусский, вариант этой культуры – это по сути окраинный или периферийный регион основного ареала, который имеет много существенных отличий от классического верхнеднепровского массива (Шадыро, 1985, с. 109–112). Не вдаваясь в детали этих различий отметим, что они связаны, прежде всего, с прибалтийским влиянием, которое активизируется с продвижением к западу. Ниже Полоцка во многих частях Верхнедвинского, Миорского и Браславского районах общий фон днепродвинской культуры довольно размыт. Особенно это заметно на землях, прилегающих непосредственно к Западной Двине и, в частности, на правобережье. Свидетельством тому материалы из раскопок городища Тясты под Верхнедвинском (Шадыро, 1985, с. 39–40). Керамический комплекс здесь представлен исключительно гладкостенными тонкостенными сосудами ведрообразных, баночных усеченочонических форм (рис. 3). Подобная керамика выше по течению Западной Двины не встречается, но ее зато часто фиксируют в центральной и северо-восточной Латвии, например на городищах Мукукалнс, Брикули, Нукши, Айзкраукле и т.д. (Васкс, 1991, таб. XX, XXI, XXIII; Vasks, 1994, tab. XVIII 1, 2). Говоря о распространении днепродвинской культуры по бассейну Западной Двины (Даугавы) и останавливаясь на характеристике гладкостенной керамики эпохи раннего железа на порубежных территориях, мы все больше убеждаемся, что рассматриваемую керамику вряд ли можно соотносить с днепродвинской культурой. Хорошо известно, что гладкостенная керамика с I тыс. до н.э. является одним из наиболее распространенных видов керамики в Латвии. Этот вид керамики, как указывает И.Цимермане, встречается на всей территории Латвии, почти в каждом археологическом памятнике как балтского, так и финского происхождения (Цимермане, 1980, с. 7). Поэтому выявленные керамические комплексы гладкостенной керамики, о которых говорилось выше, следует, на наш взгляд, соотносить с прибалтийскими

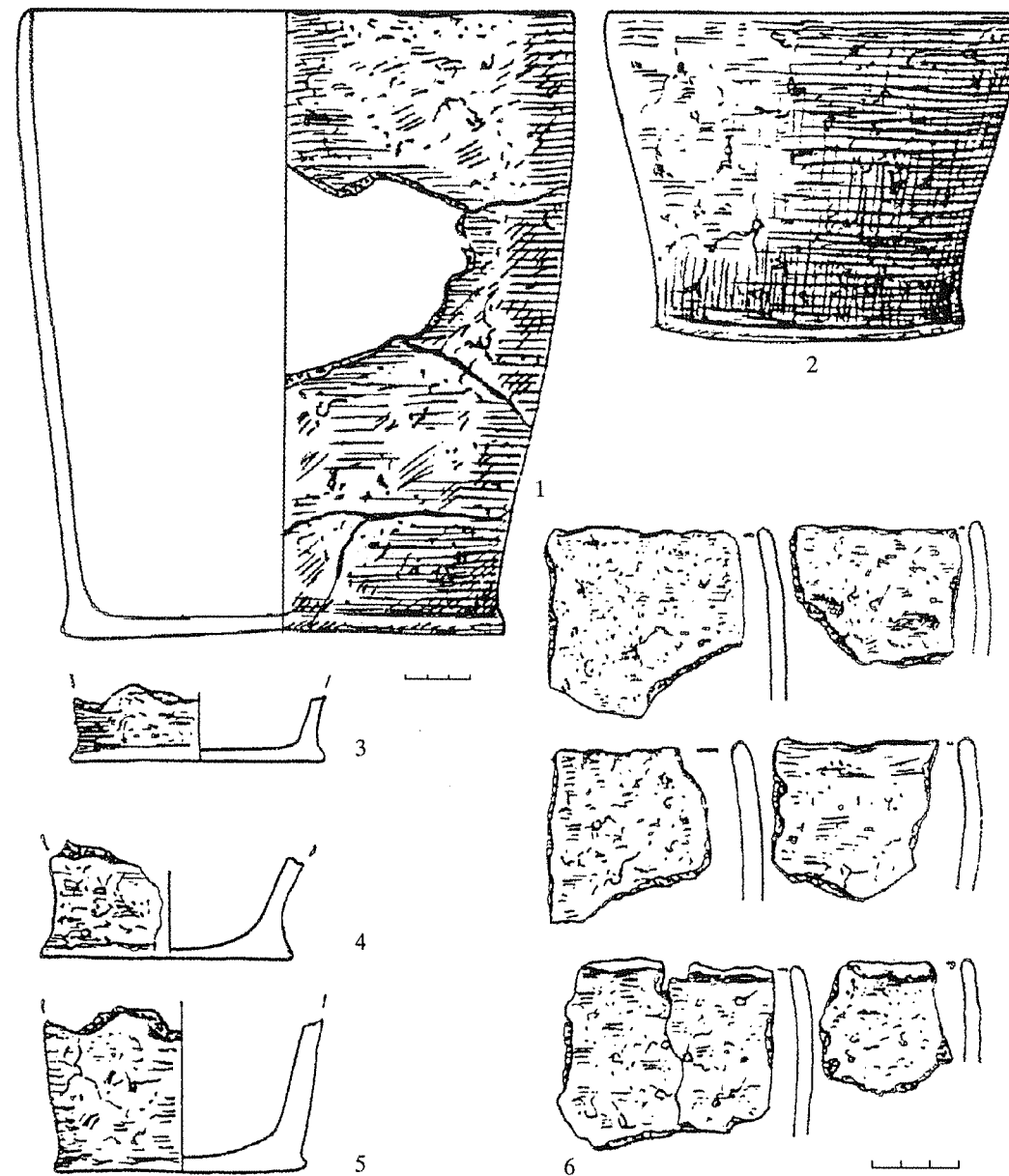

Рис. 3. Образцы керамической посуды из городища Тясты (Марылина Гора) Верхнедвинского района.

древностями эпохи раннего железа. В таком случае речь должна идти о сокращении ареала распространения древностей днепродвинской культуры по Подвинью, примерно до Верхнедвинска (ранне граница доводилась до Краславы – В.И.Ш.).

Значительные перемены в жизни племен, обитавших на северо-западе Беларуси, зафиксированы с середины V тыс. н.э. Культурно-археологические новации, связанные с изменениями в материальной культуре местного населения, особо наглядно проявились в керамическом

комплексе. Свидетельством тому – исчезновение штрихованной и гладкостенной керамики, характерной для эпохи раннего железа. Распространяется облитая и шероховатая, а также гладкостенная керамика, преимущественно баночных форм. В ряде случаев она имеет сквозные отверстия по краю горла сосуда. Широко фиксируются изменения и в характере материальной культуры. На привнесение новых элементов в нее, связанных с перемещением нового населения через северо-восточную Польшу, указывает А.М.Медведев (Мядзведзеў, 1996, с. 16–

17). Безусловно, эти и ряд других явлений, которые имели место как в Прибалтике, так и Беларуси, связаны с европейским процессом Великого переселения народов, которое явилось важнейшим социально-политическим переворотом в европейской истории, положив начало отсчета средним векам. О процессах расселения германских, славянских, а также различного рода перемещениях, взаимовлияниях в балто-славяно-финноязычной среде на территории Беларуси мы уже высказывались ранее (Шадыра, 1995; 1998). Мы еще коснемся этих явлений применительно к рассматриваемому региону, а пока проследим распространение облитой, а также банцеровского облика керамики на памятниках белорусско-литовско-латышского порубежья. Как установлено, с IV-V вв. штрихованная и ранняя гладкостенная керамика на западе Браславского, Миорского и Верхнедвинского районов постепенно вытесняется облитой, шероховатой и гладкостенной керамикой, в основном баночных форм. Следует заметить, что орнаментация в виде пояса сквозных отверстий ниже венчика ранее середины I тыс. н.э., как указывает А.Васкс, на территории Латвии не появляется (Васкс, 1991, с. 78, 79).

В 1990, 1992 гг. нами проводились раскопки на селище у восточного подножья упомянутого уже городища Тарилово на Браславщине (вскрытая площадь составила 120 кв.м.). Материалы селища относятся к середине и 3-ей четверти I тыс. н.э. (рис. 5). Основу керамического материала составляет посуда с шероховатой, облитой и гладкостенной поверхностью. Небольшой процент выявлен штрихованной и несколько фрагментов керамики с защипами. Довольно часто констатируется орнаментация в виде сквозных отверстий (рис. 4). Что касается незначительного количества облитой керамики, обнаруженной Егорейченко А.А. в верхних слоях городища, то этот факт связан, видимо, с использованием пришлым населением городища в качестве убежища. Подобное явление характерно и для городища Зазоны. Что касается селища Зазоны, расположенного у подножья городища (раскопки А.А.Егорейченко в 1995-1998 гг. - вскрыто свыше 200 кв.м; материалы еще не опубликованы), то по сообщениям автора, керамический материал представлен гладкостенной и облитой керамикой, в основном, баночных, реже профилированных форм (рис. 1: 4). Констатируется в ряде случаев орнаментация в виде сквозных отверстий. Набор изделий из металла: серпы, шилья, шпора с загнутыми концами, волотообразные ножи, трапециевидные подвески, пряжка омегаобразной формы с прямо-

угольной обоймой, бронзовый браслет с расширенными концами имеют аналогии в погребениях Литвы V-VI вв., в культуре длинных курганов, прибалтийско-финских, западнославянских древностях. Автор датирует селище V-VIII вв. н.э. (Егорейченко, 1997, с. 26) и предполагает, что оно является одним из самых северных поселений банцеровской культуры. Что касается последнего, то это утверждение довольно сомнительно. Культурная принадлежность этого населения, судя по облику керамической посуды, относится к кругу поселений с облитой и гладкостенной керамикой. Присутствие же незначительного количества профилированной керамики, напоминающей образцы банцеровской культуры, а также находки биконических пряслиц, волотообразных ножей, широко бытующих на памятниках этой культуры, позволяют предполагать, что на селище обитали и «банцеровцы», но скорее всего, в последний период существования поселения. Возможно, что здесь имеет место и просто фактор взаимовлияния, связанный то ли с культурным обменом, то ли с череполосным расселением населения. Подобную картину можно наблюдать и на городище «Замковая Гора» в Браславе, где также материальная культура нижних слоев 3-ей четверти I тыс. носит смешанный характер, т.е. облитая и шероховатая керамика чередуется с керамикой банцеровского облика.

В 35 км к северо-востоку от Браслава на левобережье Западной Двины в Миорском районе нами на протяжении более 15 лет ведутся раскопки городища и селища Прудники (вскрыто: на селище - более 1,5 тыс. кв.м, на городище - около 1,0 тыс. кв.м). Из всей массы лепной посуды свыше 90% составляет гладкостенная, облитая и шероховатая керамика. Нижняя дата указанных поселений не опускается ранее IV-V вв. Основные типы посуды V-VIII вв. (рис. 6) описаны нами при характеристике материальной культуры селища Прудники (Шадыра, 1993, с. 170-171). Отметим лишь, что керамики типа Банцеровщины (банцеровской культуры - В.И.Ш.) здесь не выявлено. Поселения были освоены и использовались населением, употреблявшим гладкостенную, шероховатую и облитую посуду различной модификации. Вполне вероятно, что этническую атрибуцию этого населения следует связывать с предками латгалов.

Самым восточным пунктом на Подвинье где нами выявлена облитая керамика в объеме 3-4% является городище Барсуки с весьма интересными культурно-хронологическими характеристиками, находящееся на правом берегу Западной Двины, в 3 км ниже Дисны. Здесь

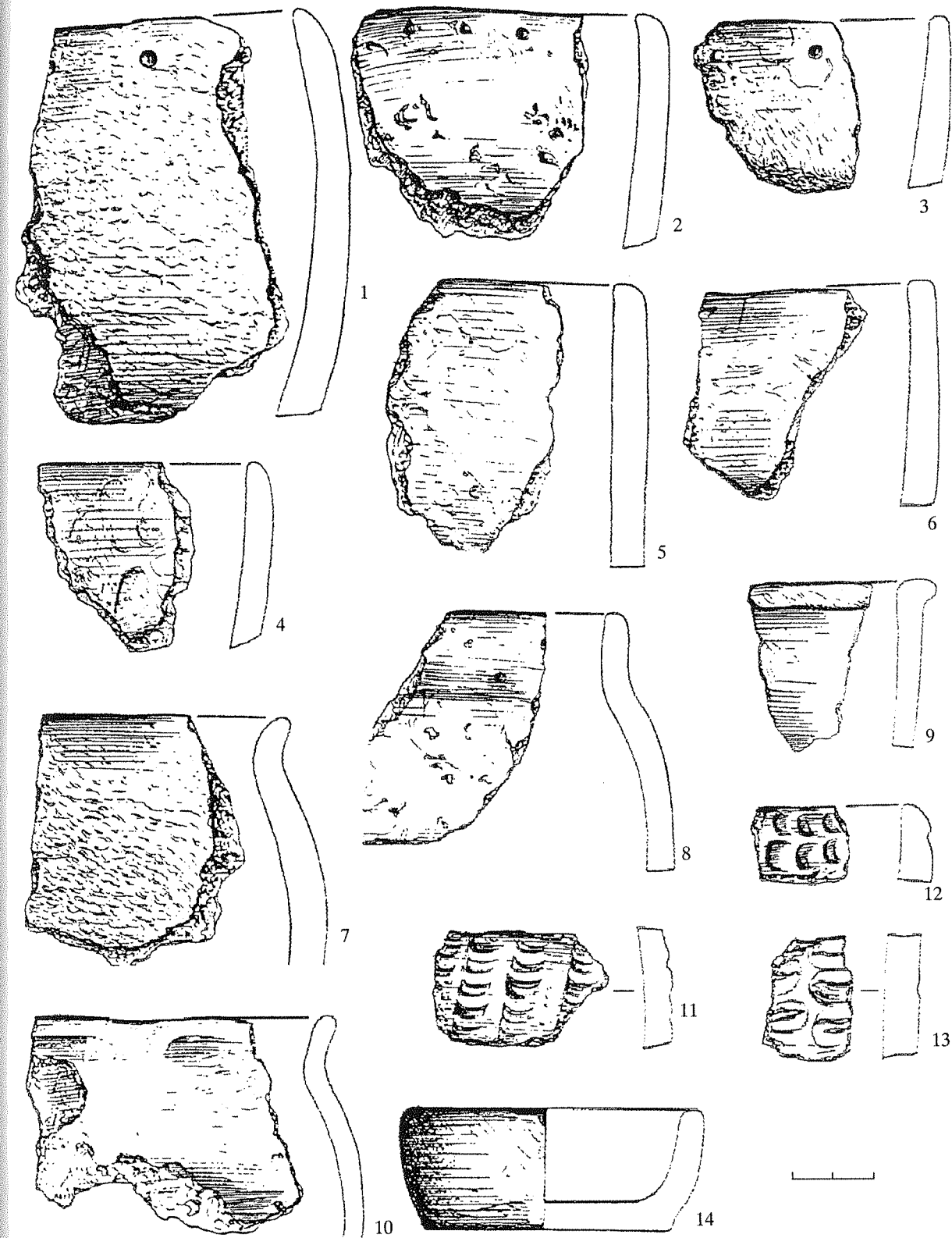

Рис. 4. Образцы керамики из селища Тарилово, Браславского района.

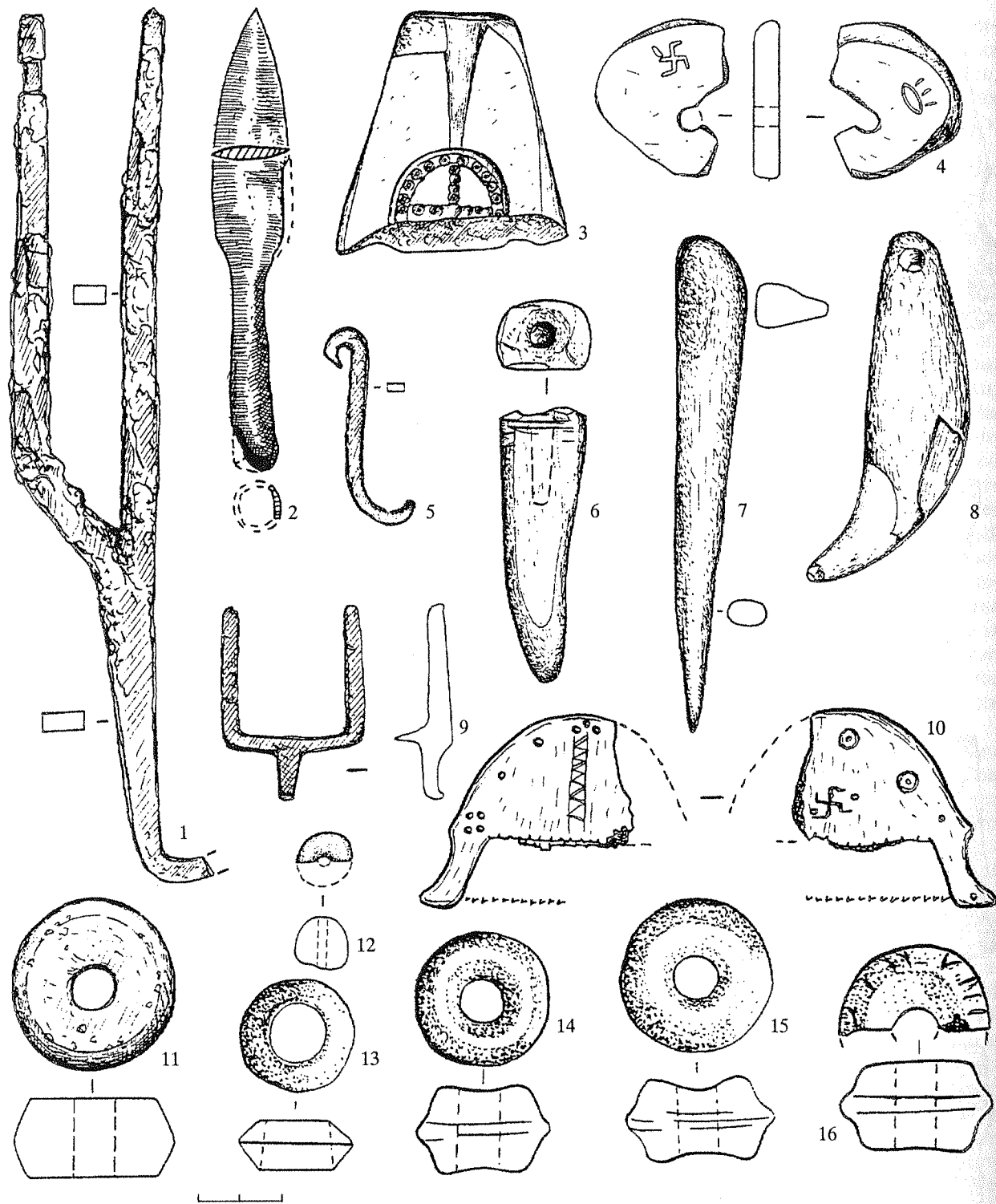
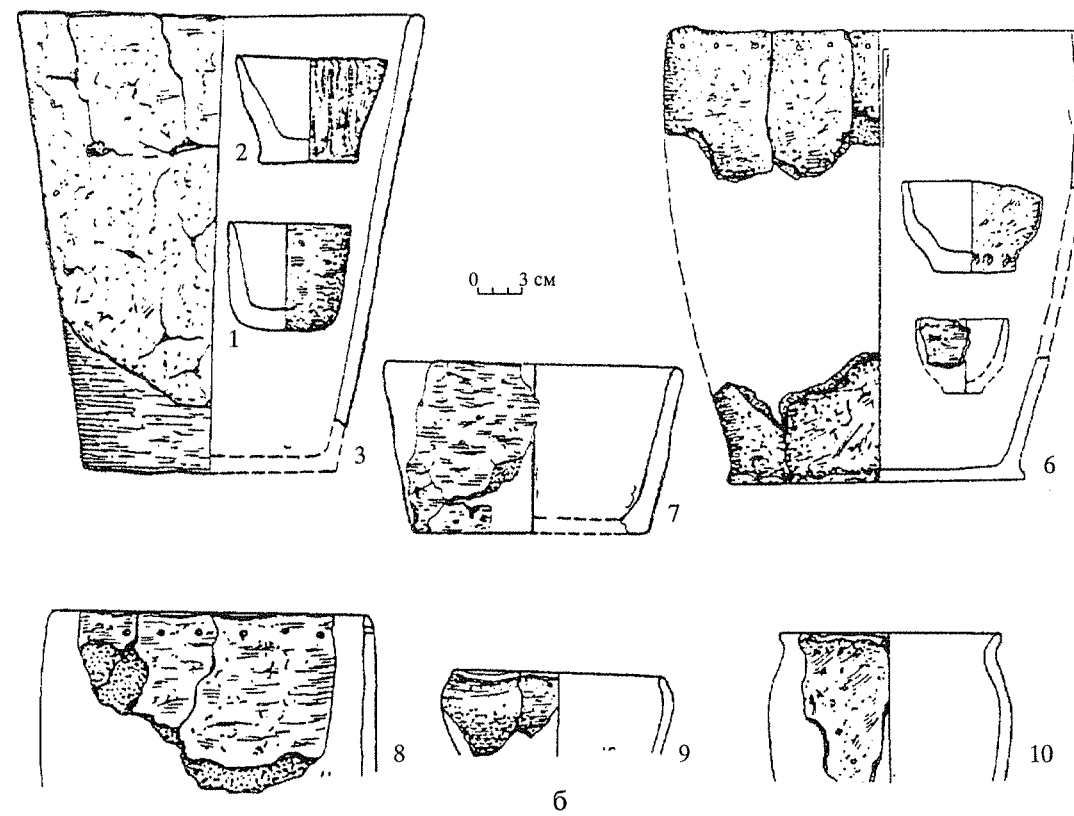
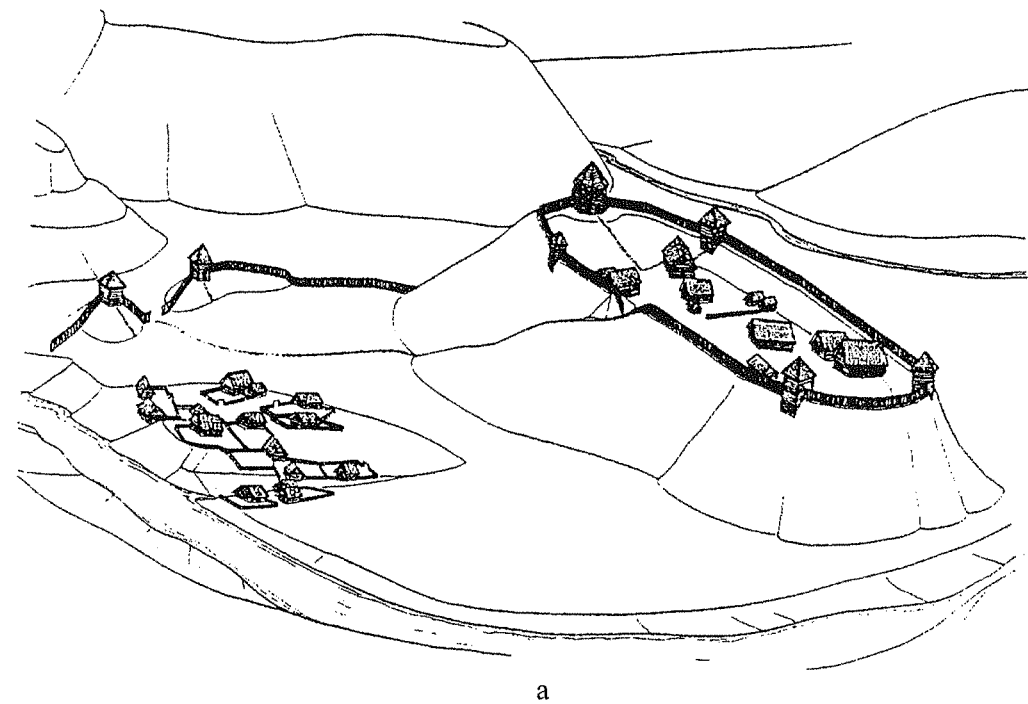

Рис. 5. Материалы из раскопок селища Тарилова, Браславского района: изделия из железа (1, 2, 5, 9); камня (3, 4); кости (6-8); глины (11-16).

Рисю 6. Реконструкция городища и селища Прудники, Миорского района (а); образцы типичной посуды 2-ой пол. I тыс. н. э. из селища (б).

Рис. 7. Фрагмент сосуда с облитой поверхностью. Селище Избище, Лагойского района.

помимо гладкостенной керамики первой половины I тыс. н.э., выявлен лощеный профилированный сосуд, и ведрообразный сосуд с растительными примесями и упомянутая облитая керамика.

Таким образом, в бассейне Западной Двины (Даугавы) облитая керамика, по нашим наблюдениям, распространяется на 40–50 км вглубь белорусской территории. Что касается распространения облитой керамики в восточном направлении в бассейне Немана (Нямунаса), то до 9% ее обнаружено на селище Избище Лагойского района (90 км к северу от Минска на р. Двиносе – левый приток Вилии – Нериса). Другие виды керамики представлены на селище следующим образом: штрихованная керамика (47,3%), с расчесами (10,7%), гладкостенная (23,7%), лощеная (9,4%). Селище возникло в начале I тыс. н.э. и существовало с небольшими перерывами вплоть до позднего средневековья. Обитателями его в I тысячелетии попеременно являлись носители культуры штрихованной керамики, типа Банцеровщины и культуры длинных курганов. Выделяется фрагмент верхней части ребристого облитого сосуда (рис. 7), которые в Литве по многочисленным аналогиям, в том числе и из городища Аукштадварис, датируются II–III вв. н.э. (Даугудис, 1966, с. 55–64). Артефакт из Избища относится к V–VI вв., возможно и к более раннему времени (выражаем благодарность Г.В.Штыхову за любезно предоставленную информацию по селищу Избище).

Что касается распространения облитой керамики в Белорусском Понеманье, то, судя по данным А.М.Медведева, проникновение ее ограничивается также 40–50 км полосой (Медведев, 1996, рис. 96). Следует особо отметить, что здесь она появляется на 100–150 лет раньше, чем на Подвинье, и имеет более интенсивную форму распространения.

Анализ керамического материала из пограничных поселений Браславского, Миорского и Верхнедвинского районов свидетельствует о том, что влияние древностей 3-ей четверти типа Банцеровщины здесь весьма приглушено и не влияет на своеобразие культурно-археологического фона культуры поселений с гладкостенной и облитой керамикой белорусско-прибалтийского порубежья. Если говорить о линии разграничения древностей банцеровской культуры и поселений с облитой керамикой, то ее, по нашим наблюдениям, следует проводить западнее Освейского озера на Западную Двину ниже Дисны на оз. Нарочь и далее по р. Нарочанке к Воложину (рис. 9).

Таким образом, регион белорусско-литовско-латышского порубежья с эпохи раннего железа являлся весьма своеобразным и активным в этнокультурных процессах, где соприкасались, взаимовлияли и взаимопроникали различного рода культурно-археологические явления. Катализатором этнокультурных процессов в рассматриваемом регионе, повлекшими за собой различного рода экономические и социальные изменения, явились процессы общеевропейского Великого переселения народов.

Известно, что с середины I тысячелетия во всех регионах Литвы начинает меняться обряд захоронения, переходя на кремацию (Таутавичюс, 1980). И только в Жемайтии и на Балтийском побережье сохраняется обряд ингумации (Таутавичюс, 1980, с. 82–87). Это свидетельствует о сильном культурном влиянии носителей традиций восточно-литовского обряда погребений.

Не касаясь полемики этнической атрибуции культуры восточнолитовских курганов, заметим лишь, что новые элементы, наблюдаемые в жизни населения, в том числе и рассматриваемого региона, необходимо соотносить с общеевропейскими процессами IV–V вв. н.э. Кроме того, если наблюдаются изменения в таких консервативных элементах духовной культуры народа как погребальный обряд, то вести речь о притоке нового населения вполне резонно. Развивая эту мысль, коснемся сюжета о миграции кривичей, принимая во внимание точку зрения В.В.Седова и многих других исследователей, о расселении

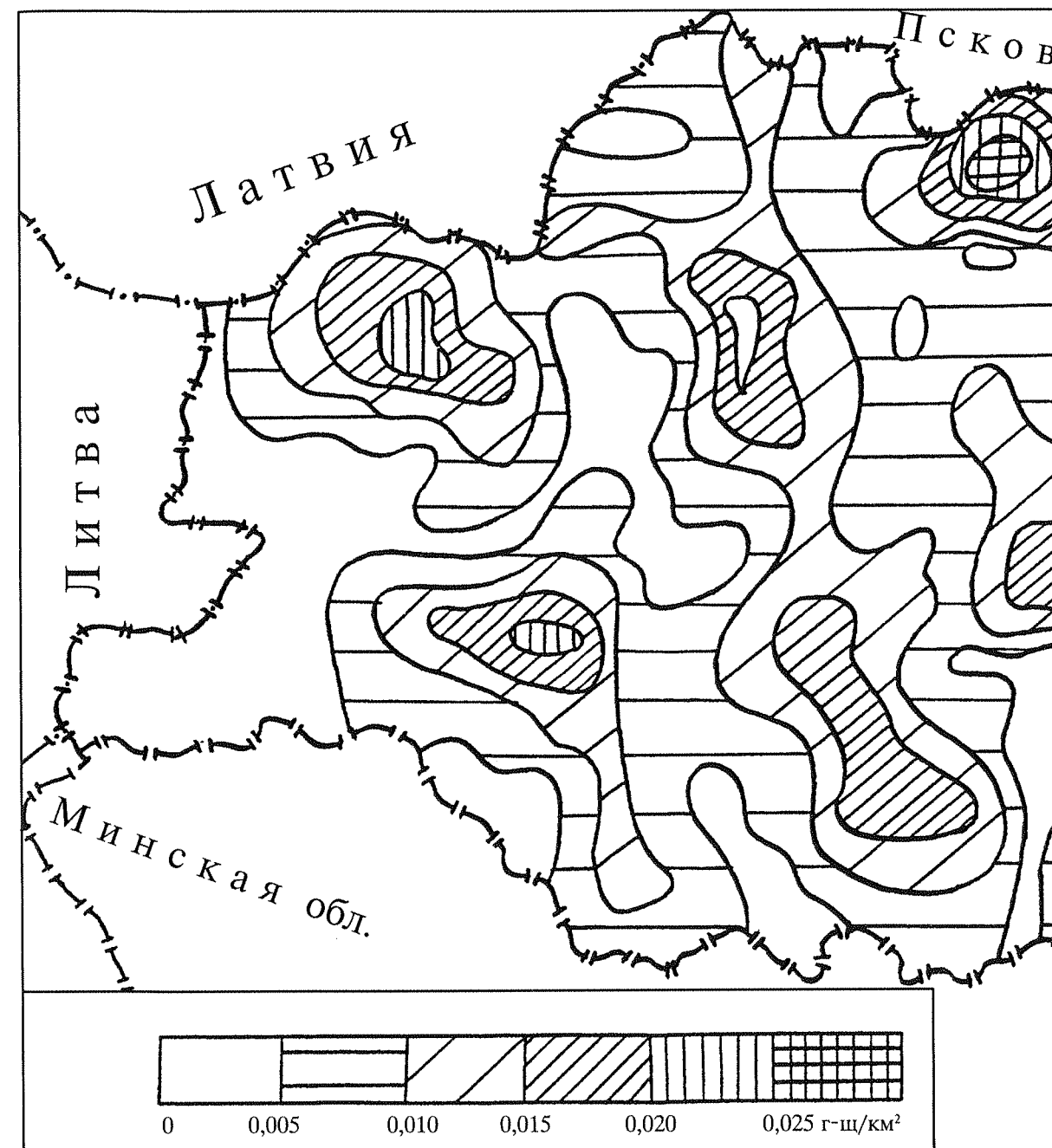

Рис. 8. Плотность городищ железного века на северо-западе Беларуси (по данным автора выполнил В. В. Коляда).

кривичей с запада. Кстати, о западном происхождении кривичей высказывался и крупнейший литуанист XX в. К.Буга (Būga, 1926). Подробное обоснование этой точки зрения изложено В.В.Седовым (Седов, 1970, с. 105–108; 1974, с. 36–42). Миграция предков кривичей, на наш взгляд, относится к этому периоду и касается рассматриваемой территории. В гипотетическом плане ее можно изложить следующим образом.

В Северной Европе, на пространствах Балтийского Поморья, мощное движение этнической консолидации германских племен постепенно отесняет главную иноэтническую группировку западных славян на юг и восток. Нас интересует, прежде всего, группа племен венедского массива, этническая идентификация которых до сегодняшнего времени остается до конца не выясненной. Скорее всего, венедский массив –

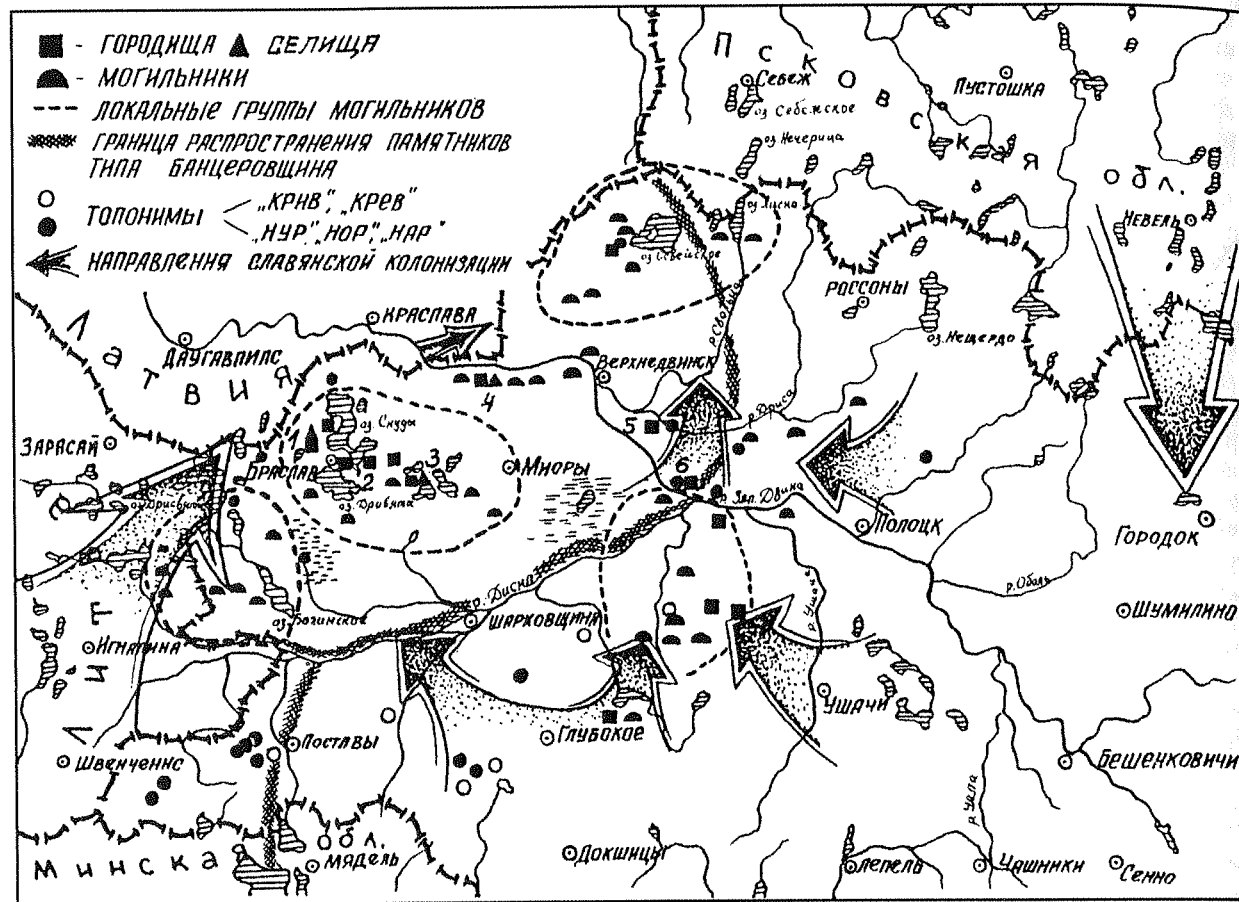

Рис. 9. Этнокультурная ситуация на северо-западе Беларуси во второй пол. I тыс. н. э. Цифры обозначают: 1 – Зазоны (городище и селище); 2 – Ратюнки (городище); 3 – Тарилово (городище и селище); 4 – Прудники (городище и селище); 5 – Тясты (городище); 6 – Барсуки (городище).

собирает название племен Балтийского побережья, куда входили западные славяне и балты, частично германцы. Видимо, их предков (венетов) размещал К. Тацит в своей «Германии» на востоке от древних германцев (Тацит, 1993). К середине I тыс. н.э. теснимые германцами, они вынуждены были искать себе новых земель на востоке и юго-востоке. Более определенно можно говорить о продвижении группы племен венедского массива из Повисленья через Понеманье и Подвинье в финно-угорские пространства Псковского Поозерья и прилегающих территорий. Это было западнославянское население предков кривичей (пракривичей), которое подверглось во время миграции сильной балтизации.

Первое их заселение связано со Средним Понеманьем. Новое население принесло с собой иной обряд погребения – курганы с трупосожжением, гладкостенную и шероховатую (облиту) посуду в отличие от штрихованной здешних аборигенов. Все эти перемены находят свое

отражение и в культуре ранних восточнолитовских курганов, основная концентрация которых наблюдается в восточной Литве и прилегающей территории Беларуси (Таутавичюс, 1959, с. 142, рис. 13), т. е. на западной окраине ареала культуры штрихованной керамики.

Как известно, регион Среднего Понеманья имеет многочисленные кривичские традиции (топонимика с основой «крив», «крев», культ священника-жреца Крива-Кривейта, первоначальное название Вильнюса – Кривой город, долговременное кривичское самосознание населения и т.д.). Известный лингвист Г.А. Хабургаев считает название «кривичи» балтского происхождения (балтский этноним «крива», славянский патронимический суффикс «ич», «ичи») (Хабургаев, 1979, с. 212). На основе изложенных фактов можно высказать следующее предположение. Новое население пришло на Понеманье со своим названием «кревы». «кривы» и соответственно со своими традициями но,

можно допустить, что и переняло его от местного балтского населения. Видимо, отсюда и начинается мигрировать население с этим названием, подвергаясь все большей и большей балтизации. Возможно, славянский патронимический суффикс «ич» и «ичи» закрепился за кривыми уже с этого момента, но скорее всего, позднее во время широкого расселения славянских племен в конце I тыс. н.э.

Пракривичи (или просто «кривы», «кревы»), частично освоив Понеманье, продолжали свое расселение в северо-восточном направлении в финно-угорские пространства через современное белорусско-латышское пограничье. Продвигаясь к Балтике кривичские племена не могли из-за довольно плотного населения 2-ой пол. I тыс. н.э. на территории современной Литвы и Латвии. Что же касается прилегающего региона современной Беларуси, то заселенность его, по нашим данным, была малой еще с эпохи раннего железного века (рис. 8), что не вызвало осложнений для переселенцев, и поэтому их путь мог проходить, скорее всего, по этому направлению (рис. 9).

В прибалтийско-финской среде на территории Псковщины, частично Латвии, кривичское население создает новый тип погребальных памятников – длинные курганы. Происхождение длинных курганов необходимо связывать с балтофинским и, в некоторой степени, славянским симбиозом. Ранние длинные курганы (V–VII вв. н.э.), которые встречаются на Полотчине, являются южной окраиной культуры ранних длинных курганов, которые с течением времени приобретают черты культуры псковских длинных курганов по территории их наибольшей концентрации.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология Беларуси. Железный век и ранние сярэднявечча. Мн., 1999. Т. 2. 504 с.
- Büga K., 1924 – Die Vorgeschichte der Aistischen (Baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung // Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924. Працы I з'езда даследчыкаў Беларускай археалогіі і археаграфіі. Мінск, 1926. Працы. Т. I. С. 27–30.
- Васк А. – Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига, 1991. 198 с.
- Vask A., 1994 – Brikļu nocietinātā armetne. Riga, 1994. 124 lpp.
- Даугудис В., 1996 – Некоторые данные о происхождении и хронологии шероховатой керамики в Литве // Труды АН Лит. ССР, сер. А, 1966 3(22). С. 55–64.
- Даугудис В., 1966 – Некоторые данные о хронологии и происхождении керамики с шероховатой поверхностью в Литве // Древности Белоруссии. Мн., 1966. С. 163–165.

нов по территории их наибольшей концентрации. Г.В. Штыхов считает, что исходным регионом распространения культуры ранних длинных курганов является полоцкий регион правобережного Подвинья (Археология Беларуси, т. 2, 1999, с. 384; 1999, с. 34). Расселение в псковско-новгородском ареале приобрело широкие масштабы, что вело к распыленности населения, а это, в свою очередь, способствовало постепенному вытеснению его на юг, в Подвинье и Верхнее Поднепровье. Анализ курганных древностей VIII–IX вв. Браславского Поозерья, как в целом и Подвинья, свидетельствует о балтском, в своей основе, характере материальной культуры населения (Дучыц, 1991, с. 10–14). Об этом свидетельствуют и раскопки Е.А. Шмидта курганов Верхнего Поднепровья (Шмидт, 1969, с. 143–144). Убедительно это явление обосновал В.Енуков, который детально проанализировал курганные древности Смоленского Поднепровья и Белорусского Подвинья и пришел к выводу, что наиболее полные аналогии комплексу балтских вещей имеются в латгальских древностях и восточно-литовских курганах (Енуков, 1990, с. 127). Таким образом, круг замыкается. Конечно, в этой схеме много вопросов и проблем, связанных с развитием древностей 3-ей четверти и последующего периода на территории юго-восточной Прибалтики и северо-западной Беларуси. Новые исследования, а также уточнение атрибуции ранее полученных материалов будут способствовать выяснению ряда проблем, связанных с историей населения эпохи железа и раннего средневековья белорусско-литовско-латышского порубежья.

- Дучыц Л.У., 1991 – Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV ст.ст. Мн., 1991. 120 с.
- Дучыц Л.В., Митрофанов А.Г., 1994 – Городище Ратюнки // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 5. Мн., 1994. С. 163–182.
- Егорейченко А.А., 1994 – Железный век Браславского Поозерья / Браслаўскія чытанні. Матэрыялы II навукова-краязнаўчай канферэнцыі. Браслаў, 1994.
- Егорейченко А.А., 1996 – Этнокультурная ситуация в Белорусском Подвинье // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 10. Мн., 1996. С. 8–11.
- Егорейченко А.А., 1997 – Городище и селище Зазоны / Браслаўскія чытанні. Матэрыялы IV навукова-краязнаўчай канферэнцыі. Браслаў, 1997. С. 22–26.
- Енуков В.В., 1990 – Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. 262 с.

Медведев А.М., 1996 – Беларуское Понеманье в раннем железном веке. Мн., 1996. 200 с.

Мядзведзеў А.М., 1996 – Насельніцтва лясной паласы Усходняй Еўропы і падзеі Вялікага перасялення народаў // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 10. Мн., 1996. С. 12–20.

Митрофанов А.Г., 1970 – Памятники восточно-балтийских племен // Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. Мн., 1970. С. 184–224.

Седов В.В., 1970 – Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. 200 с.

Седов В.В., 1974 – Длинные курганы кривичей // САИ. М., 1974. 68 с.

Таутовичус А., 1959 – Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики (Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. 1). М., 1959. С. 128–153.

Таутовичус А.З., 1980 – Балтские племена на территории Литвы в I тыс. н.э. // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980. С. 80–88.

Тацит Корнелий., 1993 – О происхождении и местах обитания германцев / Литературные памятники. Соч. в 2 т. РАН. СПб, 1993.

Хабургаев Г.А., 1979 – Этнонимия «Повести временных лет в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза». М. 1979.

Циммермане И.Р., 1980 – Керамика I тыс. н.э. как источник для исследования этнической истории и культурных взаимоотношений на территории Лат-

вии // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980. С. 70–79.

Шадыра В.І., 1985 – Раскопки Марылінай Гары // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 3. Мн., 1985. С. 39–40.

Шадыро В.И., 1985 – Ранний железный век Северной Белоруссии. Мн., 1985. 126 с.

Шадыра В.І., 1993 – Фіна-угры, балты і славяне на поўначы Беларусі ў I тыс. н.э. // Весці АНБ. Серыя гуманітарных навук. № 3. Мн., 1993. С. 83–90.

Шадыра В.І., 1993 – Селішча Пруднікі на беларуска-латышскім парубежжы // Гістарычна-археалагічны зборнік (памяці Міхася Ткачова). Ч. II. Мн., 1993. С. 170–182.

Шадыра В.І., 1995 – Вялікае перасяленне народаў і крывічы // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 7. Мн., 1995, с. 202–212.

Шадыра В.І., 1998 – Да пытання аб ролі еўрапейскіх этнакультурных працэсаў I тыс. н.э. у этнагенезе беларусаў (археалагічны аспект) // Славяне і іх суседзі (археология, нумизматика, этнология) (сборник посвященный 70-летию Э.М. Загорьского). Мн., 1998. С. 86–91.

Шмидт Е.А., 1969 – Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I тыс. н.э. // Acta-Baltica-Slavica, VI. Bialystok, 1969.

Штыхов Г., 1999 – Культура ранних длинных курганов V–VI вв. в Беларуси // Lietuvos archeologija. Vilnius, 1999. T. 18. С. 25–36.

BALTARUSIŲ-LIETUVIŲ-LATVIŲ PARIBYS GELEŽIES AMŽIUJE IR ANKSTYVAISIAIS VIDURAMŽIAIS (etnokultūrinis aspektas)

Vadimas Šadyras

Santrauka

Autorius, analizuodamas ankstyvojo geležies amžiaus keramiką, aptiktą Baltarusijos paribyje, priėjo prie išvados, kad tų regionų gyventojų sudėtis buvo polietninė. I a. pabaigoje brūkšniuotosios keramikos kultūros gyventojai kėlėsi į naujas vietas rytų kryptimi (Ratunkų, Zazonų, Tarilovo piliakalniai). Tai atsispindi įvairių tipų keramikoje (1–3 pav.).

Nuo V a. brūkšniuotoji keramika pradeda nykti. Ją palaipsniui keičia glaistytu ir lygiu paviršiumi, ašocio arba kibiro formos puodai, ornamentuoti duobutėmis prie kaklelių. Nauji gyventojai apsigyvendavo tiek senosiose, tiek ir naujosiose gyvenvietėse (Tarilovas, Zazonai, Prudnikai) (4–6 pav.).

Keramika glaistytu paviršiumi paplito visoje Baltarusijoje, išskyrus 40–50 km juostą nuo dabartinių Lietu-

vos ir Latvijos sienų. Bancerovo kultūros pėdsakų randama į rytus nuo linijos, ribojančios Asvejos–Dysnos, Naručio ežerus – Naračankos upę (9 pav.). Naujos šių teritorijų gyventojų tradicijos siejamos su mirusiųjų deginimo papročio plitimu Rytų Lietuvoje.

Visus socialinius ir etnokultūrinius pokyčius Europoje Didžiojo tautų kraustymosi metu nuo IV a. autorius aiškina prasidėjusiu venedų genčių (vakarų slavai ir galbūt germanai) judėjimu nuo Baltijos pajūrio ir Vyslos baseino ir apgyvendinimu Nemuno vidurupio, Sebežo ežero regiono iki vakarų Dvinos (Dauguvos) (9 pav.). Autoriaus manymu, migracinė banga užkludė krevičius, kurie turėjo didelės įtakos Nemuno vidurupio baltams. Jų poveikis atsispindi Rytų Lietuvos pilkapių kultūroje. Slinkdami šiaurės rytų kryptimi į ugrofinų teritorijas,

pastarieji taip pat buvo stipriai veikiami ir baltų kultūros. Ugrofinų apsuptyje krevičių ankstyvuosiuose ilguosiuose pilkapiuose išlikę daug baltiškų laidojimo papročių. Vėlyvajame krevičių kultūros etape Dnepro aukštupyje

ir baltarusiškoje Dvinos baseino dalyje aptinkama baltiškų laidosenos elementų ir materialinės kultūros dirbinių. Šios tradicijos išliko ir randamos latgalių bei Rytų Lietuvos pilkapių medžiagoje iki I a. trečiojo ketvirčio.

Iš rusų k. vertė Vytautas Kazakevičius

ILUSTRACIJŲ SĄRAŠAS

1 pav. Įvairių keramikos tipų pasiskirstymas Braslavo Paežerio gyvenviečių sluoksniuose: Tarilovo – piliakalnis (1), sodybvietė (2); Zazonų – piliakalnis (3), sodybvietė (4); Ratiunkų – piliakalnis (5). Sutartiniai žymėjimai: keramika lygi (— — —), brūkšniuotoji (- - - - -), glazūruota, šiurkšti (- . . . -).

2 pav. Lygios ir brūkšniuotosios keramikos pavyzdžiai iš Braslavo rajono Ratiunkų piliakalnio.

3 pav. Keraminių indų pavyzdžiai iš Verchedvinsko rajono Tiasčių piliakalnio (Marylina Gora).

4 pav. Keramikos pavyzdžiai iš Braslavo rajono Tarilovo sodybvietės.

5 pav. Braslavo rajono Tarilovo sodybvietės kasinėjimo medžiaga: gaminiai iš geležies (1, 2, 5, 9); akmens (3, 4); kaulo (6–8); molio (11–16).

6 pav. (a) Miroso rajono Prudnikų piliakalnio ir sodybvietės rekonstrukcija; (b) tipinių I m.e. tūkstantmečio 2-osios pusės indų pavyzdžiai iš sodybvietės.

7 pav. Indo glazūruotu paviršiumi fragmentas. Lagojaus rajono sodybvietė Izbiščėje.

8 pav. Geležies amžiaus piliakalnių išdėstymo tankumas Baltarusijos šiaurės vakaruose I m.e. tūkstantmečio 2-joje pusėje (pagal autoriaus duomenis atliko V.V. Koliada).

9 pav. Etnokultūrinė situacija Baltarusijos šiaurės vakaruose I m.e. tūkstantmečio 2-joje pusėje. Skaičiais pažymėta: 1 – Zazonų (piliakalnis ir sodybvietė); 2 – Ratiunkų (piliakalnis) 3 – Tarilovo (piliakalnis ir sodybvietė); 4 – Prudnikų (piliakalnis ir sodybvietė); 5 – Tiasčių (piliakalnis); 6 – Barsukų (piliakalnis).

Iš rusų k. vertė Inita Tamošiūnienė

BELARUSSIAN-LITHUANIAN-LETTISH FRONTIER REGION AT THE IRON AGE AND THE EARLY MIDDLE AGES (ethnocultural aspects)

Vadim Shadyro

Summary

The author analyses early iron age ceramical material from the frontier regions of Belarus and reaches the conclusion that the character of the population was mixed up (striated poltery and Dnieper–Dvina cultures). By the end of the Ist. century A.D. the striated pottery tribes were characterized by activization and at different times they settled down in new places in the East direction (hillforts Ratunky, Zazony, Tarilovo). These facts are demonstrated by the diagrams illustrating the arrangement of different pottery types in the stratums (Fig. 1–3).

Since V C.A.D. the striated pottery began to disappear and was succeeded by semi-slipped and smootn-walled pottery, mainly in the form of a jar and a pail. Farthenware was usually ornamented by holes at the vessel neck. The new population used both old and formed new settlements (Tarilovo, Zazony, Prudniky) (Fig. 4–6).

The semi-slipped pottery is spread over for Belarus 40–50 km down from the actual borders of Lithuania and

Latvia. Vestiges of Banzer culture are found to the east of the line: lake Osveya–Disna, lake Narotch – river Narotchanka (Fig. 9).

New traditions in the life of the people living on the borders of Lithuania are connected with the newly appeared cremation rite in the area of easterun Lithuanian burials.

The author explains all the social and ethnocultural changes by the process of the Great Migration in Europe since IV cent. A.D. the Vened group of tribes (western Slaves, Baltic people and perhaps, Germans) began to move away from the Baltic coast and the Vistula basin to settle down in the middle stream basin of the river Neman and in Sebej lake region through the river Western Dvina (Fig. 9). The author believes that migration stream contributed to the formation of Kryvitch people – Western Slaves who underwent strong influence of Baltic populations in the Middle Neman region and in

their turn left their traces in the culture of local inhabitants. These peculiarities are reflected in the culture of eastern Lithuanian burial mounds. Moving further to North-East to Finno-Ugric territories through the Western Dvina they underwent strong Baltic influence. In Finno-Ugric surroundings Kryvitch tribes synthesized the culture of early long burials preserving in a greater

part Baltic features. In its later evolution this culture in the upper reaches of the Dniepr and in the Belorussian basin of the Dvina kept the same Baltic character in the type of burial implements and of woman bijoux. Hence the roots of these traditions should be found in Latgalian and East-Lithuanian antiquities of the 3rd quarter of the I C. A.D.

THE LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. The distribution of various types of ceramics in layers of settlements situated at lake regions of Braslav district: Tarilovo – the hill-fort (1), the hamlet (2); Zazony – the hill-fort (3), the hamlet (4); Ratiunki – the hill-fort (5). The agreed marking: smoothed ceramics (—), scratched ceramics (- - - - -), polished ceramics, pipe-modeled ceramics (- · - · -)

Fig. 2. The samples of smoothed and scratched ceramics from Ratiunki hill-fort, Braslav district

Fig. 3. The samples of ceramic dishes from Tiasty hill-fort (Marylina Gora), Verkhnedvinskij district

Fig. 4. The samples of ceramics from Tarilovo hamlet Braslav district

Fig. 5. The materials of excavations in Tarilovo hamlet, Braslav district: artefacts of iron (1, 2, 5, 9); stone (3, 4); bone (6–8); clay (11–16)

Fig. 6. (a) The reconstruction of Prudniki hill-fort and hamlet, Mior district; (b) the samples of typical dishes of the 2nd half of the First Millennium A.D. from the hamlet

Fig. 7. A fragment of a dish with a glazed surface. Izbishche hamlet, Lagoj district

Fig. 8. The density of hill-forts in the NW of Byelorussia in the Iron Age in the 2nd half of the First Millennium A.D. (prepared by V.V.Koliada according to the data of the author)

Fig. 9. The ethnocultural situation in the NW of Byelorussia in the 2nd half of the First Millennium A.D. The marking: 1 – Zazony (the hill-fort and the hamlet); 2 – Ratiunki (the hill-fort); 3 – Tarilovo (the hill-fort and the hamlet); 4 – Prudniki (the hill-fort and the hamlet); 5 – Tiasty (the hill-fort); 6 – Barsuki (the hill-fort)

Translated by Inita Tamošiūnienė

Др. Вадим Иосифович Шадыро
Нацыянальная Акадэмія Навук Беларусі,
Інстытут гісторыі Беларусі,
бул. Б. Скарныны 1, 220072–Мінск. Тел. 2 68 58 89.

ДРЕВНЕРУССКИЙ “КЛИН” – БОЕВОЙ ОТРЯД ИЛИ НАСЕЛЕННАЯ МЕСТНОСТЬ?

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ КИРПИЧНИКОВ

Обозначение отряда, построенного в боевой порядок, в русских средневековых источниках большая редкость. И только в Новгородской I летописи и Лаврентьевской (по Академическому списку) в трех случаях и только при описании военных действий встречен термин “клин”, который, по моему мнению, можно идентифицировать как построение воинского подразделения в виде треугольника, иначе, клина¹. Приведу интересные летописные сообщения.

В 1132 (под 6639) г. “иде Всеволод на чюдь; и створися пакость велика: много добрых мужь избиша в клине новгородцы”². Далее. В 1200/1201 (под 6708) г. во время нападения литовцев на район р. Ловати “и нагнашеса новгородци по нихь... и бишася с ними и убиша у них (литовцев) мужь в клине 80, а новгородец 15”³. Наконец, во время набега литовцев в 1234/1235 (под 6742) г. на Русу, рушане вытеснили неприятеля из посада “бьющеся в поле... и (литовцы) отступиша на клин”⁴. Военную операцию успешно завершили конные новгородцы, пришедшие на помощь рушанам и одолевшие нападавших.

В изложенных эпизодах речь, по-видимому, идет о клиновидно построенных конных отрядах новгородцев и их противниках, при этом (что подкрепило мое мнение), сообщается о потерях в боевых порядках во время схватки и отступления литовцев, намеренно сохранявших воинский строй (ибо последовало их преследование). Здесь вновь хотелось бы вернуться к комментированию летописного клина, вызывающего разноречивые толкования.

Против предложенного мной понимания термина “клин” решительно высказался В. Л. Янин, настаивающий на том, что все три случая лето-

писного упоминания “клина” не связаны с военной лексикой, а “имеют в виду одну и ту же местность (или один и тот же пункт)”⁵. Для обоснования своей позиции исследователь стремится отыскать клин в районе р. Ловать, где действительно, судя по летописным сообщениям 6708 и 6742 гг., происходили русско-литовские столкновения. В этот ряд не укладывается упомянутое выше известие под 6639 г., повествующее о походе князя Всеволода Мстиславича на чюдь. По этому поводу В. Л. Янин справедливо пишет, что это сообщение “способно породить закономерное сомнение: р. Ловать протекает вдали от любых мыслимых маршрутов движения на Чудские земли”⁶. Сравнивая показания Новгородской I и Ипатьевской летописей, касающиеся данного эпизода, исследователь считает, что в связи с разными системами летоисчисления, тексты источников синхронны и речь, на самом деле идет не о походе на Чюдь, а на Литву. Следовательно, Клин сообщения 6639 г. также мог быть в районе Ловати. С таким утверждением вряд ли можно согласиться. В упомянутых источниках совершенно отчетливо рассказываются о разных по информации, не совпадающих по обстоятельствам и маршрутам, но близких по времени, походах великого князя Мстислава с киевлянами на Литву и князя Всеволода Мстиславича с новгородцами на Чюдь. Таким образом, “клин” 6639 г. не может быть помещен на литовском направлении, а его “приловатское” местоположение, судя по всему, не подтверждается.

Далее. Убедительно определив местоположение населенных пунктов, упомянутых при набегах литовцев в 1200/1201 г., В. Л. Янин рассматривает названный в данном эпизоде “Клин” как место встречного боя враждующих ратей и помещает его

¹ Кирпичников А. Н. 1) Древнерусский воинский отряд “клин” // *Arme et Ollae*. Łódź, 1992. P. 97–100; 2) Ледовое побоище 1242 года и его тактические особенности // *Древний Псков. Исследования средневекового города*. Спб., 1994. С. 113–115.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л. С.22.

³ Там же, с. 239.

⁴ Там же, с. 283.

⁵ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1988. С. 72.

⁶ Там же, с. 72.